

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА:

ПРАВДА

И

ВЫМЫСЕЛ

Выпуск 10

Коллектив авторов

**Великая Отечественная война:
правда и вымысел. Выпуск 10**

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

2017

ББК 63.3(2)622

Коллектив авторов

Великая Отечественная война: правда и вымысел. Выпуск 10 / Коллектив авторов — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», 2017

ISBN 978-5-288-05726-7

В очередной, десятый выпуск сборника вошли материалы Межрегиональной конференции «Дни истории в СПбГУ», которая состоялась 13–22 октября 2016 года в Санкт-Петербургском университете. В отличие от предыдущих, нынешний выпуск включает три части: научные статьи, воспоминания и студенческие работы, освещающие отдельные сюжеты Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Авторы статей – это преподаватели и студенты СПбГУ. Предназначен научным сотрудникам, преподавателям и студентам.

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-288-05726-7

© Коллектив авторов, 2017
© федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
образования «Санкт-
Петербургский государственный
университет», 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
Е. В. Ильин	7
В. Л. Пянкевич	12
О.А.Суходымцев	16
А.А. Амосова	20
А.В.Кутузов	24
М. Ю. Евсевьев	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Великая Отечественная война: правда и вымысел

© Е.В.Ильин, сост., 2017

© С.-Петербургский государственный университет, 2017

* * *

Предисловие

Издание очередного, десятого, выпуска сборника планировалось значительно раньше, но болезнь и последующая кончина 16 марта 2016 года многолетнего автора-составителя и одного из редакторов сборника, профессора кафедры новейшей истории России Института истории Владислава Александровича Кутузова внесли коррективы в эти планы.

Две тысячи шестнадцатый – год 75-летия начала Великой Отечественной войны и Ленинградской блокады. Эти две скорбные даты нашли отражение в исследованиях, представленных в настоящем сборнике. Основу предлагаемого вниманию читателей выпуска составили материалы Межрегиональной конференции «Дни истории в СПбГУ», состоявшейся 13–22 октября 2016 года в Институте истории.

В отличие от предыдущих выпусков, десятый сборник состоит из трех частей: научные статьи, воспоминания, а также студенческие работы.

Авторами научных статей являются в большинстве своем преподаватели Института истории. В предлагаемом сборнике представлены статьи коллег, регулярно участвующих в этом проекте, а также молодых преподавателей; в частности, это исследование «Руководители Ленинграда "второго эшелона власти": аспекты государственной и партийной биографии Н.В. Соловьева (1941–1945)» доцента Алисы Александровны Амосовой и работа «Православное духовенство северо-запада России в завершающий период Великой Отечественной войны: воссоединение и новые проблемы» ассистента Ивана Васильевича Петрова.

В последние годы серьезное внимание в науке уделяется вопросам изучения истории Великой Отечественной войны в вузе в свете задач российского образования, что также нашло отражение в темах докладов и исследований.

Уверены, что большой интерес у читателей вызовут воспоминания участников обороны Ленинграда. Казалось бы, наши знания о подвигах и повседневной жизни ленинградцев в 1941–1944 годах мало что могут прибавить к уже известному, однако, читая воспоминания универсантов, понимаешь, что каждый из них пережил «свою» блокаду. Елизавета Артуровна Реферовская, филолог по образованию, отмечает чрезвычайную востребованность переводчиков в годы войны: «Требовалось не предъявление диплома, а знание языка, умение читать и говорить на нем, понимать, когда говорят». Людмила Александровна Ивашко, вспоминая свое отрочество, выпавшее на годы войны, описала будни блокады в ее первый год. Янина Леоновна Левкович оставила воспоминания о студенте исторического факультета, талантливом поэте-романтике Рэме Марконе, погибшем под Сталинградом.

Надо признаться, мы колебались, следует ли включать студенческие выступления в настоящий сборник. Из более чем тридцати работ редколлегия отобрала восемь, авторами которых являются студенты, обучающиеся по направлениям социология, востоковедение, химия, СПбГУ. Эти статьи опубликованы в третьей части сборника – в рубрике «Дебюты».

Искренне надеемся, что предлагаемый сборник окажется полезным и займет свое место в правдивом освещении событий военных лет.

Часть I Научные публикации

Е. В. Ильин

Сороковые, роковые... О некоторых причинах поражения красной армии в начальный период войны

Аннотация: В статье освещены вопросы состояния боевой готовности Вооруженных Сил СССР кануна Великой Отечественной войны, меры по повышению боевой подготовки Красной Армии, ошибки Народного комиссариата обороны, Генерального штаба в планировании и развертывании армии в случае начала войны, фактора внезапности.

Ключевые слова: Красная Армия, уроки войны с Финляндией, Генеральный штаб, укрепленные районы, Г. К. Жуков, фактор внезапности, начало войны.

Evgenij V. Ilyin. Forties, rock... Some of the reasons of defeats of Red Army in the initial period of war

Abstract: In article the condition of combat readiness of the Armed Forces of the USSR before the Great Patriotic War, measures to increase the combat training of the Red Army, the errors of the people's Commissariat of Defense, the General Staff in the planning and deployment of the army in case of war, the element of surprise.

Keywords: Red Army, the lessons of the war with Finland, the General Staff, fortified areas, Zhukov, the element of surprise, the beginning of the war.

©Е.В.Ильин, 2017

Огромное количество вопросов, даже спустя десятилетия после завершения войны, продолжают оставаться дискуссионными. Среди них, пожалуй, самым злободневным остается вопрос начального периода войны: в результате чего страна оказалась на грани катастрофы?

В первое десятилетие послевоенных лет этот вопрос объяснялся внезапным нападением гитлеровской Германии на нашу страну. Решения XX съезда КПСС дали возможность поставить и этот вопрос; тезис «внезапности нападения» был дополнен культом личности И. Сталина.

В 1965 году Институт всеобщей истории АН СССР издал книгу Александра Моисеевича Некрича «1941. 22 июня» [8]. Весь пятидесятитысячный тираж сразу же был раскуплен. В январе 1966 года журнал «Новый мир» опубликовал статью Г. Федорова «Мера ответственности» [11], в которой на основе документальных материалов была дана взвешенная и объективная оценка событий, описанных в книге. В феврале того же года книга обсуждалась на заседании отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и получила почти единодушную положительную оценку. На этом заседании присутствовало несколько сот человек, и никто из них не возражал против главного тезиса книги – виновности тогдашнего руководства страны в трагедии 1941–1942 годов, приведшей к захвату врагом огромной территории СССР.

В сентябре 1967 года в журнале «Вопросы истории КПСС» вышла статья Г.А. Деборина и Б.С. Тельпуховского [2], в которой А.М. Некрич был обвинен в том, что показал события до 22 июня в искаженном свете, тем самым способствуя фальсификаторам истории. Серьезной аргументации авторы статьи не привели, да и не могли из-за отсутствия таковой.

В конечном итоге все вылилось в обвинения А.М. Некрича в некомпетентности в вопросах дипломатии, в военном деле, экономике...

Что же «возмутительного» и «неприемлемого», «ошибочного» содержится в этой небольшой, карманного формата книге объемом в 171 страницу? Отметим, ничего. Это утверждение основано не на позиции сегодняшнего дня, когда знания об этом драматическом периоде значительно расширились, а на тех фактах, которые были известны историкам уже тогда. Используя доступные источники информации, А.М. Некрич попытался разобраться в этой проблеме.

В итоге ученый за отказ признать свои «ошибки» был исключен из партии. Его книга была изъята из библиотек, частично уничтожена, частично передана в отделы специального хранения. Сам автор в 1976 году вынужден был эмигрировать из СССР. Впоследствии работал в Гарвардском, Кембриджском центрах по изучению России. Скончался в 1993 году.

Так были обозначены рамки разрешенного исследования одного из самых драматических периодов Великой Отечественной войны.

Сегодняшний исследователь находится в лучших условиях, нежели его предшественники в 1960-е годы. Связано это прежде всего с расширением и доступностью источников. В этой связи следует обратить внимание на многотомную публикацию документов «Русский архив: Великая Отечественная», вышедшую под редакцией Института истории Министерства обороны Российской Федерации в 1990-х – начале 2000-х годов. Для нас исключительное значение имеют материалы совещания, состоявшегося в декабре 1940 года [1]. Самые серьезные выводы высшее военно-политическое руководство страны сделало из скоротечной войны с Финляндией. По «горячим следам» в марте 1940 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б), в апреле – расширенное заседание Главного военного совета РККА, на которых были подведены итоги войны и рассмотрены вопросы перевооружения, организации, обучения и воспитания войск [3]. Важным шагом в деле перестройки вооруженных сил страны стало снятие 7 мая 1940 года с поста Народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова, преемником которого стал С.К. Тимошенко [5, с.33]. Крупные изменения произошли в Генеральном штабе Красной Армии, руководстве военных округов страны. Обучение войск по новому было изложено в Приказе Наркома обороны С.К. Тимошенко № 120 от 7 мая 1940 года. Смысл его сводился к одному: «Учить тому, что нужно на войне».

Итоги радикальной перестройки армии были подведены на совещании высшего руководящего состава Красной Армии 23–31 декабря 1940 года. В докладе начальника Генерального штаба генерала К.А. Мерецкова внимание слушателей акцентировалось на тех недостатках, которые имели «решающее значение» в повышении боеспособности армии. Эта критическая составная была детализирована и дополнена конкретными примерами участниками совещания [1, с. 12–28].

На совещании с докладом «Характер современной наступательной операции» выступил командующий Киевским Особым военным округом генерал Г.К. Жуков. Оратор кратко рассмотрел причины сокрушительных поражений Польши и Франции, других государств, опыт наступательных операций Красной Армии на реке Халхин-Гол и войне с Финляндией. В докладе отмечалось, что развитие вооруженных сил идет по линии создания наступательных средств войны как в количественном, так и качественном отношениях. Авиация, бронетанковые и механизированные войска, моторизация армии, артиллерия позволяют, благодаря их внезапному применению, добиваться самых решительных целей. Составные элементы успеха такой операции: внезапность как главнейший элемент победы, завоевание господства в воздухе, массирование ударных сил (танков, артиллерии), маневр силами и средствами для нанесения главных ударов во фланг и тыл противника [1, с. 129–152]. Слабым местом этого доклада явилось то, что такая операция рассматривалась безотносительно периода войны. На это обратил внимание начальник штаба Прибалтийского Особого воен-

ного округа генерал П. С. Кленов, которого интересовал вопрос влияния противника на то, чтобы не дать провести планомерное развертывание войск в начальный период войны [1, с. 152]. К сожалению, этот вопрос не обсуждался и остался без ответа.

По вопросам оборонительной операции выступил командующий Московским военным округом генерал И.В. Тюленев, который отметил, что «мы не имеем современной обоснованной теории обороны, которую могли бы противопоставить современной теории и практике глубокой армейской наступательной операции» [1, с. 209]. Таким образом, вопросы оборонительной операции накануне войны не были решены ни в оперативном, ни в стратегическом отношениях.

В этой связи закономерен вопрос, как виделась война высшему командному составу Красной Армии в ее начальном периоде? Начальник Генерального штаба генерал Г.К. Жуков писал: «При переработке оперативных планов весной 1941 года <...> не были полностью учтены новые способы ведения войны в начальном периоде. Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, может начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений» [4, с. 224]. Начало грядущей войны виделось военному руководству страны по схеме Первой мировой: начинается малыми силами на границе, что позволяет провести мобилизацию и развертывание войск, после этого боевые действия переносятся на территорию врага, где достигается «малой кровью» победа. Таким образом, командование Красной Армии совершило одну из тех ошибок, которая самым роковым образом сказалась в начале войны.

Для прикрытия государственной границы и последующего развертывания главных сил было начато масштабное оборонное строительство, развернувшееся в приграничных районах. Укрепленные районы, вытянутые в линию вдоль государственной границы, не стали, да и не могли стать, теми бастиями, где должен был быть остановлен враг. Незначительная глубина обороны укрепленных районов, значительные промежутки между ними, не заполненные живой силой, близость расположения к границе, делали их крайне уязвимыми для артиллерии врага.

Генеральный штаб считал, что в случае начала войны немецкие войска могут нанести главный удар либо к северу, либо к югу от Бреста. Окончательно решить эту задачу должен был И. В. Сталин, который выбрал южное направление. Заметим, эту точку зрения разделяли и Народный комиссар обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, и Начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков. Таким образом, высшее военное руководство страны не сумело правильно определить место нанесения врагом главного удара.

Означало ли это, что Красная Армия изначально была обречена на тяжелейшие поражения в 1941–1942 годах, которые поставили страну на грань катастрофы? Силы и средства для отпора агрессору имелись, требовалось грамотно распорядиться ими. Иначе говоря, речь идет о способности командного состава Красной Армии в полной мере использовать силы и возможности войск, то есть об овладении командным составом разного уровня военным искусством. Огромную негативную роль в этом отношении сыграли репрессии в Красной Армии – как в моральном плане, так и в овладении военным делом. На совещаниях самого высокого уровня неоднократно отмечалось, что командный состав армии мало читает специальной военной литературы, не изучает иностранные языки... Всем этим пришлось овладевать в ходе войны и платить большой кровью.

Восемнадцатого декабря 1940 года А. Гитлер подписал Директиву № 21, более известную как план «Барбаросса» – план нападения на СССР. Этот документ разрабатывался около одиннадцати месяцев, для него характерны необычайная тщательность в проработке всех этапов операции, от внезапности нападения до полного разгрома Красной Армии. При этом решающее значение отводилось первому удару. Признавая превосходство Красной Армии в

количестве танков, артиллерии, агрессор строил свои расчеты и на том, что в своем подавляющем большинстве эта техника была старой, а выучка командного состава на всех уровнях низкой.

План «Барбаросса» не стал «быстро» достоянием советской разведки, о чем пишут некоторые авторы [6, с. 32]. Об этом плане мы узнали в полном объеме лишь на Нюрнбергском судебном процессе, который начал работу 20 ноября 1945 года. Разведка не сумела своевременно узнать дату начала нападения германских войск на СССР, хотя при этом некоторые сроки и были названы, они не соответствовали действительности. Не удалось установить численность вражеских войск, сосредоточенных на западной границе, а также направление главного удара.

Скрыть развертывание армии вторжения на территорию нашей страны было невозможно. В Генеральный штаб пошли сообщения о сосредоточении на западных границах СССР крупных воинских контингентов, резко активизировалась разведывательная деятельность германских разведслужб [9, с. 2–21]. По мере приближения дня начала войны сообщения становились все более тревожными.

Было бы ошибочно утверждать, что командующие западными военными округами бездействовали. В войсках шла напряженная учеба, командующие округами оперативно докладывали Народному комиссару обороны С. К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову о тревожном положении дел на границе. Москва либо молчала, либо советовала «не поддаваться на провокации». В целом в столице крайне болезненно реагировали на инициативы командующих округами, предпринимаемые последними без консультаций с высшим руководством.

Анализируя ситуацию последних предвоенных месяцев, крайне затруднительно однозначно определить позицию политического руководства страны в этот решающий период времени. Мы полагаем, что она была нацелена на всяческое оттягивание начала войны: «не допустить провокаций», могущих перерасти в войну, – так определялась главная задача войск приграничных округов.

В ночь на 22 июня 1941 года в Кремле собралось высшее политическое и военное руководство страны. Факты говорили о том, что война может начаться в ближайшие часы. И. В. Сталин полагал, что со стороны Германии возможна провокация, поэтому приведение войск приграничных округов в боевую готовность даст повод Германии для нападения на СССР. В директиве, направленной в округа в половине первого ночи, говорилось о возможности провокаций и приказывалось рассредоточить войска, авиацию, скрытно занять на границе укрепленные районы. Другие мероприятия без особых распоряжений проводить не разрешалось.

Эта директива поступила в западные военные округа в разное время. В Прибалтийском округе приказ о приведении войск в боевую готовность был отдан 22 июня в 2 часа 15 минут, Белорусском – 22 июня в 3 часа 30 минут, в Киевском директиву расшифровали только в 12 часов 35 минут 22 июня, когда на территории округа уже несколько часов бушевала война [10, с. 314]. Двойственность указаний, вытекающих из директивы Народного комиссара обороны о приведении войск в полную боевую готовность и задачах войск, привела к тому, что для большинства командиров она оказалась внезапной.

Противнику в полной мере удалось использовать фактор внезапности. Ударные группировки, используя разрывы в обороне советских войск, уже в первый день войны сумели прорвать линию укрепленных районов, вытянувшихся вдоль границы. Ожесточенное сопротивление отдельных соединений, частей, гарнизонов, бойцов оборонительных сооружений изменить общей ситуации не могли, немецкие войска вырвались на оперативный простор.

Каковы причины исключительно неудачного для Красной Армии начала войны? Достаточно емкий ответ дал маршал Г.К. Жуков: «Надо ясно сказать, что немецкая армия

к началу войны была лучше нашей армии, лучше подготовлена, выучена, вооружена, психологически более готова к войне, втянута в нее. Она имела опыт войны, и притом войны победоносной. Это играет огромную роль. Надо также признать, что немецкий генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда лучше работали, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы, немецкие командующие в тот период лучше и глубже думали, чем наши командующие. Мы учились в ходе войны, и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс. И начался этот процесс с того, что на стороне немцев было преимущество во всех отношениях» [7, с. 131]. К этому следует добавить и просчеты высшего военного руководства страны, о чем мы уже говорили.

Литература и источники

1. Русский архив: великая отечественная. т. 12(1): материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. / ин-т воен. истории м-ва обороны РФ; под общ. ред. ген. – майора в. а. Золотарева. м.: Терра, 1993. 408 с. URL: <http://soldat.ru/files/4/6/15/111> (дата обращения: 01.11.2016).
2. Деборин Г. А., Тельпуховский Б. С. в идейном плену фальсификаторов истории // вопросы истории КПСС. 1967. № 9. С. 127–140.
3. «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.): материалы комиссии главного военного совета красной армии по обобщению опыта финской кампании. м.: летний сад, 2004. 558 с.
4. Жуков Г. К. воспоминания и размышления. м.: изд-во агентства печати «новости», 1969. 751 с.
5. Ильин Е. В. Перечитывая заново (к политическому портрету К. Е. Ворошилова) // ильин е. в. Reversio: записки историка: сб. статей. СПб.: Библиополис, 2015. С. 20–36.
6. История России XX век. в 2 т. / под ред. А. Б. Зубова. М.: АСТ, 2009. т. II: 1939–2007. 848 с.
7. Карпов В. В. генералиссимус: историко-документальное исследование. в 2 кн. Калининград: янтарная сказка, 2002. кн. 1.
8. Некрич А. М. 1941. 22 июня. м.: наука, 1965. 171 с.
9. Органы государственной безопасности СССР в великой отечественной вой не: сб. документов / сост. в. П. Ямпольский и др. т. 1: накануне. кн. 2. м.: книга и бизнес, 1995. 397 с.
10. Рунов В. А. 1941. Первая кровь. м.: Эксмо Яуза, 2009. 509 с.
11. Федоров Г. мера ответственности (а. м. некрич. 1941. 22 июня) // новый мир. 1966. № 1. С. 260–267.

В. Л. Пянкевич

Предблокадный Ленинград в восприятии горожан

Аннотация: Статья посвящена анализу восприятия Ленинграда его жителями в период между началом Великой Отечественной войны и началом блокады. Адекватное постижение перцептивного образа ленинградской блокады перспективно для решения академических, музейно-экспозиционных, педагогических задач, сферы искусства. Статья базируется на опубликованных и неопубликованных официальных документах и источниках личного происхождения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, городское пространство, восприятие, историческая память.

Vladimir L. Piankevich. Leningrad in the perception of citizens on the eve of the blockade

Abstract: The article is devoted to the analysis of the perception of Leningrad by its inhabitants during the period between the beginning of the Great Patriotic War and the beginning of the blockade. Adequate comprehension of the perceptual image of the siege of Leningrad is perspective for solutions of academic, museum exposition, teaching tasks, application in the field of art. The article is based on published and unpublished official documents and sources of personal origin.

Keywords: The Great Patriotic War, the siege of Leningrad, urban space, perception, historical memory.

©В.Л.Пянкевич, 2017

Двадцать второе июня 1941 года врезалось в сознание и память многих ленинградцев. Было солнечное, жаркое и ветреное воскресенье. В привычно начавшемся для большинства горожан выходном дне все изменилось после знаменитого полуденного радиовыступления В. М. Молотова. Вернувшаяся из Петергофа группа студентов, по свидетельству А. И. Певцовой, была потрясена видом города: «За несколько часов он изменился так, что нам стало жутковато. На улицах народу мало, из репродукторов раздаются марши, марши, боевые марши. Ленинград стал суровым, угрюмым» [9, с. 13].

Роковое известие поначалу изменило поведение ленинградцев: многие выглядели подавленными, серьезными и настороженными; другие, напротив, решительными, уверенными в скорой победе. Различия в восприятии трагического известия определялись полом, возрастом, этнической принадлежностью, социальным статусом, политическими взглядами, происхождением, жизненным опытом, моральными качествами и т. д.

Огорчились несостоявшимся воскресными гуляниями и развлечениями девочки, были в восторге от предстоящих зрелищ войны и грядущих побед мальчишки.

Серьезны были женщины, беспечны – девушки. «Женщины плакали, – вспоминает М. Макарова, – а мы были настолько молоды, что и не восприняли это сообщение по радио и не поняли, что же это такое» [12, с. 7]. Тревога за своих близких, и прежде всего за детей, заставляла женщин не только переживать, но и действовать. Именно женщины в своем большинстве стояли в мгновенно образовавшихся очередях. По свидетельству вернувшейся в Ленинград 22 июня М.Г. Петровой, «это был уже другой город. Стояли очереди в магазины и сберкассы» [7, с. 30].

Город готовился к бомбардировкам. Пытаясь сберечь окна, ленинградцы заклеивали их бумагой, марлей, целлофаном. Это должно было помочь стеклам сдерживать натиск взрывной волны, не позволить им разбиться вдребезги. «В несколько дней город разукрасился белыми решеточками на окнах и стал от этого наряднее», – вспоминал Д.Н. Лазарев [5, с. 194]. Искусствовед Н.Н. Лунин записал в дневнике 28 августа: «Заклеенные бумажными

полосками, большею частью крест-накрест, стекла; дома стали легче от этих заклеек, декоративнее, как будто весь город застроился трельяжами» [11, с. 345].

Хорошо освещенный вечером и ночью большой город, теперь, с началом войны, особенно когда кончилась пора белых ночей, должен был погрузиться во тьму, стать невидимым немецким летчикам. Исчезло уличное освещение, свет городского транспорта и автомобилей также не должен был нарушать спасительного затемнения. Не должно было быть света и в окнах ленинградских домов. «Над подъездами домов и входами в бомбоубежища тускло горели синие лампочки, – вспоминает ботаник Т. К. Горышина. – Этот замогильный свет так и остался у меня в памяти как одно из "цветовых пятен" первых месяцев войны» [1, с. 71].

Не только для светомаскировки, но и чтобы сохранить стекла витрин, большие окна магазинов на первых этажах стали оберегать, укрепляя досками и мешками с песком.

В городе стремились спасти от разрушения и повреждений памятники. Как отмечалось в отчете государственной инспекции по охране памятников, в первую очередь были укрыты «наиболее ценные монументы»: памятники Ленину, Кирову на Кировской площади, Петру I, Николаю I, Крузенштерну, Крылову. Были зарыты в землю все скульптуры в Летнем саду, а также в парках пригородных дворцов, в Музее городской скульптуры и т. д. [6, с. 523, 524]. Об укрытии Медного всадника скульптор И. В. Крестовский вспоминал: «Любопытное зрелище представлял собой памятник, когда гранитная скала еще до обшивки скульптуры деревянной опалубкой была засыпана песком. Фигура будто выросла и стала еще более монументальной. Казалось, бронзовый гигант мчится по земле среди нас» [10, с. 289].

На крышах появились маскировочные сети, стены больших зданий разрисовывали пятнистыми желто-зелеными разводами, фантастически были раскрашены набережные. Сверкавший позолотой купол Исаакиевского собора выкрасили в серый цвет. Специальными чехлами из парусины и мешковины были замаскированы шпили Петропавловского собора, Адмиралтейства, Инженерного замка, церквей и соборов. Красота готовившегося к бомбежкам города меркла. Возвращавшиеся накануне блокады в Ленинград жители не узнавали своего города – он стал серым, суровым, настороженным.

Ощущение угрозы создавали аэростаты воздушного заграждения, которые белыми ночами парили в безоблачном небе над городом. В городских садах и парках, около церквей, на Марсовом поле появились окопы, расположились зенитные батареи. Здесь же спали на садовых скамейках, стирали, играли на балалайках красноармейцы.

Когда стремительно продвигавшийся враг стал угрожать Ленинграду, город стал готовиться к обороне. Окна и двери угловых домов заделывали кладкой, оставляя бойницы, устанавливали пулеметы. Редкий дом не был превращен в долговременную огневую точку, став в переносном и буквальном смысле крепостью. Железобетонные доты и дзоты строились у Дворцового моста, Эрмитажа, перед зданиями Академии наук, университета.

В наибольшей мере укреплялись южные районы города. Многие улицы здесь перегородили баррикады. В случае уличных боев реки и каналы также должны были стать рубежами обороны.

В городе спешно создавались укрытия для людей. Взрослые и подростки рыли щели-окопы, призванные спасти от осколков бомб и снарядов людей, оказавшихся поблизости.

Чаще обычного на улицах города встречались люди с чемоданами и узлами – это направлялись к вокзалам эвакуирующиеся. Женщины и подростки шли на военно-оборонительные работы на подступах к городу. В июле Ленинград захлестнула волна беженцев из Прибалтики, Новгорода, Пскова, Ленинградской области. Оборванные, грязные, изможденные, с мешками за плечами, с детскими колясками, некоторые с велосипедами, тележками. Длинные вереницы изнуренных стариков, женщин, детей шли, с трудом неся свои вещи, некоторые тянули на веревках истощенных коров.

Если многие женщины, прежде всего домохозяйки, с первого дня войны были погружены в привычные, но очень важные заботы о насущном, то мужчины направились в военкоматы, на свои предприятия, в учреждения и организации. Днем и ночью по улицам проходили колонны мобилизованных и добровольцев. «По мостовой быстро шли нестройные колонны мобилизованных; своих мужей, братьев и отцов провожали плачущие женщины, – вспоминает А.М. Соколовский. – Нам, молодым, воспитанным ура-бодряческой советской прессой, этот плач казался неуместным» [3, с. 18].

Ленинградцы уходили на фронт, эвакуировались, город постепенно пустел, менялась его цветовая и звуковая палитра. «После пышной зелени парков, голубизны залива, каналов и прудов он поразил меня своей однокрасочностью, – свидетельствует И. Т. Балашова. – Это был цвет городской летней жары и войны. Все было окрашено в охристые тона: форма военных и множество песка на улицах, которым заполняли ящики, закрывающие витрины магазинов» [2, с.49].

Между тем напряжение, возникшее в первый день войны, вскоре несколько спало. Сохранялась инерция мирной жизни, горожане как будто «привыкли» к войне. Казалось, в жизни большого города ничего не менялось: ходили трамваи, работали кафе, рестораны, были открыты магазины, и люди, как обычно, спешили на работу, играли дети, выстраивались очереди к кассам кинотеатров. «Летний период, когда я теперь его вспоминаю, кажется мне какой-то безобидной, шуточной пародией, сентиментально идиллической инсценировкой быта в готовящемся к блокаде городе, – отмечала в блокадном дневнике педагог О. В. Синакевич [8].

Удивляло сочетание наглухо закрытых серыми мешками с песком и деревянными щитами магазинных витрин и витрин торговли цветами, которые ленинградцы раскупали как всегда. На Невском, Литейном, других проспектах и улицах прямо на тротуарах раскинулись широкие столы с только что изданными книгами, в том числе красочными изданиями для детей. «Вечером на набережной много гуляющих. <..> Просто не верится, что у нас война: все спокойны, хотя бы внешне. Около сфинксов – целое гулянье взрослых и малых. Тут же, несмотря на вечер, мальчишки купаются», – записал в дневнике 27 июля Г. А. Князев [4, с. 95].

Безмятежным настроениям многих горожан соответствовало и состояние природы. После холодной весны в городе царило жаркое лето: цвела сирень, акация, благоухал жасмин. Особенно яркой казалась зелень. У киосков с водами и лотков с мороженым, у пивных ларьков выстраивались очереди. На редкость теплым оказалось и начало сентября. Природа словно хотела согреть ленинградцев впрок накануне страшных испытаний, одним из которых станет смертельный холод.

Солнечным августом и в самом начале сентября город был необычайно красив. В прозрачные холодные августовские ночи одним горожанам бросалось в глаза великолепие города, другие в тревоге перед будущим не замечали красоты Ленинграда и природы. Из громкоговорителей на пустеющих, идеально чистых улицах звучала классическая музыка, повсюду летал легкий бумажный пепел – жгли архивы.

В воспоминаниях ленинградского школьника город перед блокадой напоминал театр перед спектаклем. «Люди роют укрытия в парках, окна магазинов прикрывают деревянными щитами. Городские памятники обкладывают мешками с песком. Оконные стекла в домах заклеиваются лентами бумаги или марли, чтобы они не разлетелись при бомбежке города. Все эти необыкновенные перемены в городе вызывают во мне восторженные чувства, как будто вот-вот должен начаться грандиозный спектакль; все готовится к нему, а он так и не начинается» [13, с. 290].

Ленинградцы пока не знали, какое трагическое представление им суждено увидеть, причем они должны были стать не только зрителями, свидетелями, но и участниками действия, в котором будут настоящие потрясения, невыносимые страдания.

Литература и источники

1. *Горышина Т. К.* воспоминания о блокаде и дороге жизни // история Петербурга. 2007. № 1. С. 71–76.
2. испытание: воспоминания прихожан князь-владимирского собора о великой отечественной вой не 1941–1945 годов / отв. ред. проф., прот. в. Сорокин; сост. в. Синицына, и. Шкваря. СПб.: князь-владимирский собор, 2010. 192 с.
3. книга живых. воспоминания евреев – фронтовиков, узников гетто и нацистских концлагерей, бойцов партизанских отрядов, защитников блокадного Ленинграда. кн. первая. СПб.: акрополь, 1995. 415 с.
4. *Князев Г. А.* дни великих испытаний: дневники, 1941–1945. СПб.: наука, 2009. 1218 с.
5. *Лазарев Д. Н.* Ленинград в блокаде // труды государственного музея истории Санкт-Петербурга. вып. V. материалы к истории блокады Ленинграда. СПб., 2000. С. 192–241.
6. Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы великой отечественной войны 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995. 640 с.
7. *Мархасев Л. С.* След в эфире: воспоминания и заметки. СПб.: Лики России, 2004. 333 с.
8. Отдел рукописей российской национальной библиотеки. Ф. 163. ед. хр. 31. л. 25.
9. *Певцова А. И.* блокадная тетрадь: воспоминания Антонины Певцовой о жизни и работе в блокадном Ленинграде ко дню памяти и скорби – 8 сентября 1941 года – начало ленинградской блокады. СПб.: Политехника-сервис, 2012. 90 с.
10. Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы великой отечественной войны и блокады Ленинграда: воспоминания, дневники, письма, очерки, литературные записи. Л.: Лениздат, 1969. 391 с.
11. *Пунин Н. Н.* мир светел любовью. дневники. Письма. м.: артист. режиссер. театр, 2000. 527 с.
12. *Соловьева В., Талалаев А., Иванова О.* Солдатские вдовы. СПб.: возрождение России, 2000. 315 с.
13. *Сомов Е.* обыкновенная история в необыкновенной стране. СПб.: Нева, 2001. 447 с.

О.А.Суходымцев

Степан Седых: известный подвиг неизвестного майора

Аннотация: О трагической судьбе майора Седых, умелыми действиями которого в сентябре 1941 года удалось овладеть Невским пятачком – плацдармом на левом берегу реки Невы в районе деревни Московская Дубровка (в пятнадцати километрах к югу от Шлиссельбурга).

Ключевые слова: Блокада Ленинграда, Невский пятачок, реабилитация.

Oleg A. Suhodymtsev. Stepan Gray: a famous feat of the unknown major

Abstract: About the tragic fate of major Sedykh, who skillfully managed to capture the "NevskyPyatachok" bridgehead on the left Bank of the Neva river near the village Moskovskaya Dubrovka (15 km South of Shlisselburg) in September 1941.

Keywords: The siege of Leningrad, Nevsky Pyatachok, rehabilitation.

© О.А.Суходымцев, 2017

Отечественная историография Невского пятачка достаточно обширная, но в советское время имя Степана Петровича Седых в ней практически не встречается: в истории Ленинградской битвы он оказалось забытым.

Вскользь о Седых говорится только в воспоминаниях ветеранов Невского пятачка: С. Н. Литвак, воевавшего в 4-й бригаде морской пехоты, и бывшего комиссара 115-й стрелковой дивизии Л.П.Федецова, а также в работе А. Н. Мушникова, посвященной морякам Балтики [8, с. 108; 4, с. 51; 5, с.81].

За что же из истории Ленинградской битвы «вычеркнули» майора Седых?

Длительная и скрупулезная работа с документами Центрального архива Министерства обороны позволила найти ответ на этот вопрос.

Степан Петрович Седых родился в 1901 году в деревне Большие Угоны Льговского уезда Курской губернии в семье крестьянина. В автобиографии, написанной им в августе 1939 года, читаем:

«Хозяйство отца состояло: из хаты, сарая, двора, коровы и лошади. Земли было <...> около 3-х десятин. Семья была из 12 человек: отец, мать, дед и 9 человек ребят. В силу того, что семья была большая, земли мало, летом работали либо у кулаков, либо у попа, а зимой на сахарном заводе – село Пены. Лично я начал работать с 12 лет. Летом также работал у кулаков, а зимой на заводе».

В 1920 году Седых вступил в Красную Армию. Здесь, несмотря на слабый уровень образования («общее-низшее», как написано в автобиографии), приходит решение связать свою жизнь с воинской службой. Привитые с детства усердие и трудолюбие помогли Степану в постижении армейской науки: в 1923 году – на курсах комсостава; с 1925 по 1928 год – в 1-й Советской объединенной военной школе РККА имени ВЦИК; в 1939 году – на курсах усовершенствования командного состава «Выстрел». В 1927 году вступил в ВКП(б).

Служил на должностях командира взвода, роты. В 1932 году переведен в Главное артиллерийское управление (ГАУ); в 1938 году, уже в звании *капитана*, назначен помощником начальника отделения в 9-м отделе ГАУ. За время службы в столице замечаний не имел, начальство о Степане Петровиче отзывалось положительно.

В 1939 году Седых был направлен командиром батальона в 115-ю стрелковую дивизию. В октябре 1940 года получает очередное звание – *майор* и переводится на должность начальника штаба 708-го стрелкового полка [10, с. 7–23; 7, с. 217–218]. Войну дивизия встретила под Выборгом.

Тринадцатого августа 1941 года, согласно истории болезни № 783 (ЦТИ имени Вредена города Ленинград, ныне – НИИ травматологии и ортопедии имени Р. Р. Вредена), Степан Седых получил слепое осколочное ранение правой голени и левой поверхности стопы. Двадцать шестого августа по решению военно-врачебной комиссии получил десятидневный отпуск для амбулаторного лечения [1].

Третьего сентября распоряжением комдива майор Седых направлен на должность начальника штаба 576-го полка с временным исполнением обязанностей командира полка. В этот же день командир 115-й стрелковой дивизии, эвакуированной с Карельского перешейка кораблями КБФ в Ленинград, получил из штаба фронта директиву № 003: к рассвету следующего дня занять оборону на правом берегу в верховье Невы [13, с. 5, 16].

Восемнадцатого сентября из штаба Ленинградского фронта пришел приказ на проведение операции по прорыву блокады. В ночь на 20 сентября наши части форсировали Неву на участках: Шлиссельбург-Марьино (1-я дивизия войск НКВД и батальон 4-й отдельной бригады морской пехоты), Петрушино-Павлово (638-й стрелковый полк 115-й дивизии) и Московская Дубровка (576-й полк).

Дивизия НКВД, моряки и 638-й полк попали на Неве под сильный артиллерийско-минометный огонь и были вынуждены переправы прекратить.

Иначе обстояло дело на участке 576-го полка: майор Седых к шести утра переправил роту [14, с. 237], через час – еще одну [12, с. 201]. К часу дня десантники овладели Московской Дубровкой [16, с. 22]. Так началась история Невского пятачка. По признанию участников боев, «более трагичного, страшного и героического, чем этот "пятачок", они уже потом не видели» [3].

Двадцать второго сентября на плацдарм начали перебрасывать подкрепление из 638-го полка, на следующий день – из дивизии НКВД и морских пехотинцев, а также минометы и противотанковые орудия [11, с. 97]. В этот же день, 23 сентября, для управления боевыми действиями на плацдарме высадился Степан Петрович Седых.

Противник оказывал сильное сопротивление огневыми средствами, танками и авиацией. Пытаясь ликвидировать плацдарм, немцы перебрасывали к Неве дополнительные пехотные части. С Невского пятачка приходили тревожные вести.

В итоговом донесении за время с 22 по 25 сентября майор Седых указывал: «Наше наступление сдерживается организованной системой огня обороны и непрерывным обстрелом минометов и тяжелой артиллерии» [11, с. 99]. Двадцать девятого сентября в донесении № 8 он сообщал: «Численного превосходства в личном составе и боевой технике отряд не имеет и выполнить задачу по окружению и уничтожению противника – не может» [11, с. 194].

За первые десять дней боев, по нашим подсчетам, на плацдарм (до двух километров по фронту, в глубину – 400–500 метров) переправили 1 166 человек из 115-й стрелковой дивизии и дивизии НКВД и примерно тысячу морских пехотинцев. По данным штаба 115-й дивизии, наши потери составили более 1 600 человек: 865 пехотинцев и около 800 моряков [11, с. 106, 142, 186, 197, 198; 21, с. 227].

В боевом донесении № 11 от 4 октября Степан Петрович в очередной раз докладывал: «При данном составе сил и вооружения, при хорошо организованной системе обороны пр-ка <...> наступать нельзя <...> Потеряв почти 2/3 своего состава, отряд не имеет перспектив ни для обороны, ни для наступления» [11, л. 316].

Шестого октября Седых попал под огневой налет противника. Согласно истории болезни № 3817 (больница Эрисмана в Ленинграде, ныне – Государственный университет имени академика И. П. Павлова), он получил общую контузию и мелкоповерхностное осколочное ранение левого бедра. Но уже 19 октября Степан Петрович просит выписать его в

часть, хотя накануне у него отмечалось головокружение, – и добивается своего: 21 октября «выписан по собственному желанию и убыл в часть» [1].

И снова – 576-й полк, Невский пятачок и новая попытка прорыва блокады (с 20 октября). Однако ни в первый, ни в последующие дни заметного успеха добиться не удалось.

Начальник политотдела 115-й дивизии комиссар Соколов докладывал, что за время боев с 7 по 30 октября 1941 года, «576-й полк имел дважды 100 % потерю командного и политического состава, от роты до командира полка. Личным составом полк пополнялся несколько раз. Большинство рот совсем не существует <...> На 29 октября в полку насчитывается 170 штыков <...> День и ночь бойцы находятся под непрерывной бомбардировкой минометных и артиллерийских батарей противника». Комиссар предложил вывести полк во второй эшелон и переформировать его [17, л.40–41].

Высшее командование считало, что задачу прорыва блокады можно решить... карательными мерами. Двадцать третьего октября командующий Ленинградским фронтом генерал-майор И. И. Федюнинский докладывал в Москву: «Военным Советом фронта приняты решительные меры для того, чтобы ускорить движение вперед. Меры – вплоть до репрессии» [18, л. 296]. Например, в 265-й дивизии со стандартной для того времени формулировкой «за трусость и паникерство в бою» сняли комдива, отдали по суд командира полка, двух ротных командиров и политрука; в 20-й дивизии войск НКВД особый отдел за 25 дней расстрелял 13 человек [19, л. 3; 21, л. 32]. Эта же горькая участь постигла и Степана Петровича Седых.

В донесении начальника политотдела 8-й армии полкового комиссара С. И. Панкова сообщается, что 1 ноября «бойцы 576 сп шесть раз ходили в атаку на врага. Бой продолжался несколько часов. Наступление наших войск успеха не имело только потому что командир этого полка майор Седых отдал преступный приказ атаковать эскарп, не имеющий важного тактического значения <...> Во время боя он <...> бездействовал, не руководил операцией и находился пьяным <...> Седых постановлением Особого Отдела НКВД 2 ноября с. г. расстрелян» [16, л. 3453].

Видимо, вечером 1 ноября Степана Петровича арестовали, на скорую руку провели следствие, а 2 ноября, постановлением особого отдела НКВД 115-й стрелковой дивизии «за преступную бездеятельность в ходе руководства боевыми операциями, проявленную трусость во время боя подвергнут расстрелу» [15, л. 34; 6]; скорее всего, ранним утром, там же – на Невском пятачке.

Между тем иная причина указана в приказе Главного управления кадров НКО СССР по личному составу армии № 0891 от 11 ноября 1942 года: «Командир 576 стрелкового полка 115 стрелковой дивизии майор Седых Степан Петрович <...> по постановлению тройки ОО НКВД за паникерство расстрелян в ноябре 1941 г.» [23].

Остается непонятным, за что же его расстреляли – за пьянство или преступную бездеятельность, за трусость или паникерство?

По мнению бывшего военкома 115-й дивизии Лавра Петровича Федецова, «такое решение было ошибочным и неоправданно <...> Седых не был неисправимым командиром и его недостатки могли быть изжиты» [9, с. 1, 8; 7].

Музей-заповедник «Прорыв блокады Ленинграда» обратился в прокуратуру Ленинградского военного округа с просьбой разобраться в этом деле.

Четырнадцатого сентября 2010 года военный прокурор Ленинградского военного округа генерал-майор юстиции И. И. Лебедь на основании статей 3 и 5 Закона РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» подписал Справку о реабилитации Седых Степана Петровича.

Доброе имя командира 576-го полка 115-й стрелковой дивизии, сумевшего блестяще организовать и провести операцию по захвату Невского пятачка, было восстановлено. В 2011

году Степан Петрович Седых занесен в «Книгу Памяти жертв политических репрессий Курской области» [2, с. 155–159]. Первого июля 2014 года его именем названа одна из новых улиц в северной части города Кировска.

Литература и источники

1. Архив военно-медицинских документов. Справка № 6/0/49143-а от 01.09.2010 г.
2. Книга Памяти жертв политических репрессий курской области. Курск: Планета+, 2011. т. V.
3. Курчаков И. Два километра священного берега // Советская Россия. 1989. 20 июня.
4. Литвак С. Н. на боевых постах связисты // невиский пятачок: воспоминания участников боев под невиской дубровкой в 1941–1943 годах. л.: Лениздат, 1977.
5. Мушников А. Н. балтийцы в боях за Ленинград (1941–1944). М.: Воениздат, 1955. 205 с.
6. Справка УФСБ по курской области № 10/5-3653у от 18.07.2009 г.
7. Суходымцев О. А. от героев былых времен не осталось порой имен... // Плацдарм: невиский «пятачок». 1941–1943. СПб.: Галарт, 2013. С. 217–218.
8. Федецев Л. П. герои были рядом // невиский пятачок: воспоминания участников боев под невиской дубровкой в 1941–1943 годах. Л.: Лениздат, 1977.
9. Федецев Л. П. некоторые дополнительные заметки о боевых действиях 115 стрелковой дивизии под Ленинградом. рукопись. 1968 г. // личный архив автора статьи.
10. ЦАМО РФ. Связка № 381452.15/392. л. 7–23.
11. ЦАМО РФ. Ф. 1315. оп. 1. д. 11. л. 97, 99, 106, 142, 186, 194, 197, 198, 316.
12. ЦАМО РФ. Ф. 1315. оп. 1. д. 13. л. 201.
13. ЦАМО РФ. Ф. 1315. оп. 1. д. 4. л. 5, 16.
14. ЦАМО РФ. Ф. 1315. оп. 1. д. 92. л. 237.
15. ЦАМО РФ. Ф. 1315. оп. 2. д. 5. л. 34.
16. ЦАМО РФ. Ф. 217. оп. 1217. д. 39. л. 3453.
17. ЦАМО РФ. Ф. 217. оп. 1217. д. 64. л. 40–41.
18. ЦАМО РФ. Ф. 217. оп. 1221. д. 174. л. 296.
19. ЦАМО РФ. Ф. 217. оп. 1221. д. 725. л. 3.
20. ЦАМО РФ. Ф. 217. оп. 1221. д. 9. л. 22.
21. ЦАМО РФ. Ф. 217. оп. 1258. д. 87. л. 227.
22. ЦАМО РФ. Ф. ног. оп. 1517. д. 1. л. 32.
23. URL: www.obd-memorial.ru (дата обращения: 14.10.2016).

А.А. Амосова

Руководители Ленинграда «второго эшелона власти»: аспекты государственной и партийной биографии Н.В. Соловьева (1941–1945 годы)¹

Аннотация: Статья посвящена аспектам государственной и партийной биографии Н.В. Соловьева, главы Ленинградского областного исполнительного комитета в 1938–1946 годах, а в 1946–1949 годах – первого секретаря Крымского обкома ВКП(б). Основной акцент в работе сделан на периоде Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и его роли в жизнеобеспечении блокированного Ленинграда. Статья вводит в научный оборот ряд неопубликованных источников из архивов Санкт-Петербурга и Республики Крым.

Ключевые слова: Н. В. Соловьев, блокада Ленинграда, ленинградское дело, Ленинградский областной исполнительный комитет

Alisa A. Amosova. Leningrad leaders of the "second echelon of power": the main aspects of state and party biography of N. V. Solovyev (1941–1945)

Abstract: This article is devoted to the aspects of the state and party biography of N. V. Solovyev, the head of the Leningrad Regional Executive Committee in 1938–1946, and in 1946–1949 – the first secretary of the Crimean Regional Party organization. The main focus of the work was done on the period of the Great Patriotic War (1941–1945) and his role in the maintaining of vital functions of the blocked Leningrad. The article introduces the number of unpublished historical sources from the archives of St. Petersburg and the Republic of Crimea.

Keywords: N. V. Solovyev, the blockade of Leningrad, the Leningrad affair, the Leningrad Regional Executive Committee

©А.А. Амосова, 2017

Конец 1930-х – 1940-е годы стали периодом формирования в структуре Ленинградского партийно-хозяйственного аппарата сильной группы руководящих кадров, позднее репрессированных в рамках сфабрикованного «ленинградского дела». В состав этой группы, помимо более известных деятелей – А.А. Кузнецова, Н. А. Вознесенского, П. С. Попкова и еще ряда других советских и партийных руководителей, – вошел Николай Васильевич Соловьев, возглавлявший с 1938 по 1946 год исполком Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся.

Пришедшие на высокие партийные и советские посты после чисток городского аппарата, вызванных убийством С.М. Кирова, эти люди в подавляющем большинстве не были коренными ленинградцами. Они принадлежали к числу тех, кого впоследствии стали именовать выдвиженцами. Большинство из них за короткий период времени сумели получить высшее образование и проделать путь от станка до кресла руководителя [11, с. 12–13].

Растянувшийся на десятилетия процесс реабилитации жертв «ленинградского дела», недоступность для исследователей важнейших исторических источников, частично уничтоженных, а частично засекреченных, влияние политической конъюнктуры диктовали тематику и подходы к проведению научных исследований, обходивших вниманием изучение политических биографий руководителей города на Неве 1940-х годов. Пожалуй, первой отечественной работой, посвященной аспектам государственной и партийной биографии Н.В. Соловьева, стала статья М. Бабушкина [1], напечатанная в мае 1988 года на страницах газеты «Слава Севастополя». Летом и осенью того же года на страницах газеты «Крымская правда» была опубликована серия статей П. Гармаша [3; 5]. В 1990 году газетные публикации П. Гармаша в доработанном виде вошли в сборник «Ленинградское дело», подготовленный В.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 5.38.265.2015.

И. Демидовым и В. А. Кутузовым, в качестве отдельной главы [2, с. 241–260], а в 2003 году были опубликованы на страницах газеты «Ветлужский край» [4], которая издается на малой родине Н. В. Соловьева.

Николай Васильевич Соловьев родился 22 марта 1903 года в деревне Бремино Нижегородской губернии. Он был выходцем из бедной крестьянской семьи. Николай с ранних лет вынужден был трудиться: сначала на селе, а в 1921–1925 годах работал на железной дороге (на станции Шарья Северной железной дороги) чернорабочим, а затем смазчиком и подручным слесаря в депо. В члены ВКП(б) вступил в июле 1925 года [7, л. 5].

Путевку в жизнь ему, как и многим молодым людям его поколения, дала партия: в 1931–1934 годах – направлен на учебу в Ленинград, во Всесоюзный коммунистический сельскохозяйственный университет имени Сталина (ликвидирован в 1937 году). Во время учебы работал секретарем партчейки, а затем парторгом III курса [8, л. 8]. Работал в Ленинградском обкоме ВКП(б): в 1937–1938 годах – в качестве инструктора, заместителя заведующего ОРПО (отдел руководящих партийных органов, с 1939 года – управление кадров), затем – в качестве третьего секретаря обкома [8, л. 13 об.].

В 1938 году Н. В. Соловьев возглавил исполком Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся; перед ним были поставлены непростые задачи по превращению Ленинградской области из потребляющей в производящую, задачи развития сельского хозяйства, промышленности и культуры. Значительных успехов областной исполком в довоенный период добился в области льноводства, овощеводства и животноводства, за что 4 апреля

1939 года Президиум Верховного Совета СССР наградил Николая Васильевича Орденом Ленина за выдающиеся успехи в сельском хозяйстве, в частности за достижение высоких показателей по льноводству и животноводству [8, л. 2].

С началом Великой Отечественной войны чрезвычайная ситуация потребовала чрезвычайных мер по перестройке самого принципа управления городом в сторону централизации и персонального закрепления основных участков работы за руководителями Ленинграда. Первого июля 1941 года была создана Комиссия по вопросам обороны Ленинграда под председательством первого секретаря Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданова. Н.В. Соловьев вошел в ее состав, наряду с А.А. Кузнецовым, Т.Ф. Штыковым, П.С. Попковым. Комиссия, которую в обиходе называли «большой пятеркой», представляла собой, по существу, местный комитет обороны, призванный оперативно решать все вопросы, возникавшие в условиях войны [9, с. 56].

Двадцать пятого июля 1941 года в Ленинграде была создана Комиссия по оборонительным работам, куда наряду с А.А. Кузнецовым, П.С. Попковым и др., вошел Н.В. Соловьев. На него было возложено руководство строительством укрепленных районов на дальних подступах к Ленинграду, а также возведение оборонительных сооружений у Пулковских высот [10].

В декабре 1941 года Н.В. Соловьев был назначен членом Военного Совета Ленинградского фронта, принимал активное участие в строительстве автомобильной трассы через Ладогу [10]. С приближением весны Военный совет Ленинградского фронта постановил создать водную переправу через Ладожское озеро. Руководство работами осуществлял Н.В. Соловьев. Было реализовано строительство портовых сооружений, созданы новые и расширены старые железнодорожные подходы. Ладожские суда, как известно, не только снабжали осажденный город продовольствием и боеприпасами, но и осуществляли эвакуацию населения и промышленности.

Одиннадцатого января 1942 г. постановлением Военного Совета была образована продовольственная комиссия, в которую вошли А.А. Кузнецов, Д.В. Павлов, П.С. Попков и Н.В. Соловьев [12.С.11].

После прорыва блокады в январе 1943 года вдоль южного берега озера на освобожденной узкой полосе суши была проложена железная дорога, ставшая еще одной артерией, соединяющей Ленинград со страной. Текущие восстановительные мероприятия с целью поддержания бесперебойного функционирования данной дороги осуществлялись при непосредственном руководстве Николая Васильевича.

Н. В. Соловьев также координировал вопросы снабжения и материального обеспечения боевых действий на подступах к Ленинграду (у Невской Дубровки, на Синявинском плацдарме, при снятии блокады), в обеспечении боев на Карельском перешейке и при освобождении Эстонской ССР [10]. В военный период постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР Н. В. Соловьеву было присвоено звание генерал-майора, а затем и генерал-лейтенанта.

В 1944 году колхозы области под руководством облисполкома досрочно выполнили обязательства по поставкам сельскохозяйственных продуктов, за что Ленинградская область получила переходящее Красное знамя Государственного комитета Оборона [8, л. 19], а председатель Леноблисполкома в феврале 1945 года был награжден Орденом Отечественной войны I степени за выполнение государственного плана хлебозаготовок в 1944 году [8, л. 2].

За заслуги перед Отечеством в годы войны Н. В. Соловьев также был награжден двумя Орденами Ленина, двумя Орденами Красного Знамени, Орденом Кутузова II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Партизану Отечественной войны» [10].

В послевоенные годы многие «ленинградцы» продвинулись вверх по партийной лестнице. В первую очередь это касается А.А. Кузнецова и Н.А. Вознесенского, чье политическое влияние в стране стало столь заметным, что, казалось бы, пошатнуло незыблемые позиции Л. П. Берии и Г. М. Маленкова.

В феврале 1946 года Н.В. Соловьев был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. На XVII пленуме Крымского областного комитета ВКП(б), состоявшемся 30–31 июля 1946 года в Симферополе, Н.В. Соловьев избран первым секретарем [2, с. 243].

«Ленинградское дело» было инициировано с подачи И. В. Сталина и под его негласным руководством с целью сместить с политической арены деятельных и инициативных руководителей-ленинградцев, чьи новаторские идеи шли вразрез с представлениями И.В. Сталина и его ближайшего окружения о политическом курсе страны.

Пятого августа 1949 года Н.В. Соловьев был срочно вызван в Москву [2, с. 242], снят с занимаемого поста. На следующий день, 6 августа, состоялся экстренно созданный пленум Крымского областного комитета ВКП(б), в стенограмме которого было указано, что Соловьев в Крымской партийной организации «сколачивал угодную для себя семейку подхалимов, при помощи которых скрывал истинное положение дел в области» [13, л. 2].

Расстрелы ряда фигурантов «ленинградского дела», и в частности Н.В. Соловьева, были произведены в Москве в период с 28 по 31 октября 1950 года. Существует мнение, что Николай Васильевич до официального суда не дожил, а был убит на допросе в присутствии Маленкова и Берии, так как заявил им, что никогда не признает себя виновным и на суде заявит о незаконных методах допроса [6, с. 175].

Опале подверглась и память о репрессированных. Даже после реабилитации заслуги городского руководства во время Великой Отечественной войны и в период восстановления народного хозяйства рассматривались в научных исследованиях как результат работы Ленинградской партийной организации в целом под руководством ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталина. Однако по сей день политические биографии видных руководителей «второго эшелона» власти в Ленинграде 1940-х годов остаются недостаточно изученными.

Литература и источники

1. *Бабушкин М.* возвращение // Слава Севастополя. 1988. 25 мая.
2. *Гармаш П.* в Крыму // «ленинградское дело» / сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л.: Лениздат. 1990. С. 241–260.
3. *Гармаш П.* Живая память // крымская правда. 1988. 28 октября.
4. *Гармаш П.* Жизнь и судьба // ветлужский край. 2003. 18 апреля.
5. *Гармаш П.* Секретарь обкома // крымская правда. 1988. 17 августа.
6. *Куприянов Г.* Свидетельствую // Звезда. 1989. № 3. С. 170–178.
7. личное дело Соловьева Николая Васильевича // государственный архив Республики Крым. Ф. П-1. оп. 2. д. 3761.
8. личное дело Соловьева Николая Васильевича // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1728. оп. 1. д. 220193/1–4.
9. *Князев С. П., Стрешинский М. П., Франтишев И. М., Шевердалкин П. Р., Яблочкин Ю. Н.* на защите невской твердыни. л.: Лениздат, 1965. 642 с.
10. *Николай Васильевич Соловьев* // ленинградская правда. 1946. 6 февраля.
11. *Смирнов А. П.* «ленинградское дело»: портрет поколения // Судьбы людей. «ленинградское дело». СПб.: норма, 2009. С. 10–22.
12. *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия военного Совета ленинградского фронта в 1942 г. // новейшая история России. 2016. № 1. С. 8–21.
13. Стенограмма VI пленума обкома партии по обсуждению постановления ЦК ВКП(б) о смене руководства обкома партии // гарк. Ф. П-1. оп. 1. д. 2990.

А.В.Кутузов

«Героический образ мужественных ленинградцев всегда вдохновлял нас на боевые дела...»

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы влияния литературы на формирование подрастающего поколения. Во время блокады Ленинграда школьники учились мужеству у книжных героев. По этим же канонам создавались литературные произведения и радиопередачи, посвященные героям Ленинградской битвы.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, литература, радио, Михаил Большаков, Всеволод Вишневский, Николай Тихонов, Андрей Жданов.

Alexandr V.Kutuzov. "The heroic image of the brave people of Leningrad have always inspired us for fighting..."

Annotation: The article discusses the influence of literature on the formation of the younger generation. During the siege of Leningrad, the students learned courage from the book heroes. According to the same canons were created literary works and radio broadcasts, dedicated to the heroes of the battle of Leningrad.

Keywords: the siege of Leningrad, literature, radio, Mikhail Bolshakov, Vsevolod Vishnevsky, Nikolai Tikhonov, Andrey Zhdanov.

© А.В. Кутузов, 2017

Когда началась Вторая мировая война, в основные обязанности А.А.Жданова входили пропаганда и агитация. Вся система народного образования – от школ и курсов по ликвидации неграмотности до высших учебных заведений. Вся печать – от заводских многотиражек до «Правды». Огромная сеть научных учреждений – от заводских лабораторий до Академии наук СССР. Физкультура и спорт. Музеи и библиотеки. Литература и союзы писателей. Музыка и союзы композиторов. Живопись, скульптура и союзы художников. Все вообще искусства и гигантская сеть партийного просвещения. И многое другое [15, с. 91].

Литература оказала гигантское влияние на формирование подрастающего поколения, подтвердив мысль: «Пролетарская литература должна создать такой тип героя, такой образ, который сумел бы увлечь молодежь за собой, который заставил бы <...> мыслить и поступать так же, как он» [6].

К таким персонажам и обратились во время Великой Отечественной войны. Четырнадцатого сентября 1941 года на общегородском митинге молодежи Ленинграда писатель Вс. Вишневский расставил акценты: «Ты, молодой мой друг, был душой с Павлом Корчагиным <.. > Ты любишь глубочайше, органически Пушкина, Державина, ты глубочайше ценишь Льва Толстого, Чехова, Горького, Репина, Серова <...> Это же великое наше, русское, советское богатство. Все это хочет сжечь, оплывать и растоптать фашизм» [2].

Во время блокады Ленинграда школьники учились мужеству у книжных героев. «Как закалялась сталь» Н.Островского стала самой любимой книгой каждого подростка [12, с. 97].

Книги транслировало радио блокадного Ленинграда: «Потом кто-то придумал, и хорошо придумал, по вечерам стали читать "Как закалялась сталь" Николая Островского, – записал в своем блокадном дневнике главный механик Ленинградского металлического завода Г. А. Кулагин. – Мы слушали страницы этой книги, рассказывающие о борьбе, о трудностях. Слушали, сидя у "буржук", каждый в своем закопченном, темном углу. Передавали долго, недели две подряд. И эта передача поддерживала и объединяла нас. Потом читали "Овод". И это было умно и хорошо. Программы подбирались серьезные, простые, неназой-

ливые. В них речь шла о стойкости, о терпении к боли, о человеческих страданиях, о человеческом достоинстве и борьбе» [7, с. 197].

Книги из «тарелок» репродукторов посещали блокадные дома. Организатором передач был редактор Валерий Гуревич. Режиссер и исполнитель Владимир Серафимович Ярмагаев начал чтение книги Э.Л.Войнич «Овод». В своем дневнике ленинградка А.Наумова отмечала, что это произведение поднимает дух: «Недаром прошлую зиму читал ее по радио Ярмагаев. Я стояла, прижавшись к печке, и слушала, затаив дыхание». В мирное время обычно читали Пушкина, Гоголя, Толстого, но брали отдельный рассказ или отрывок из произведения. А во время войны появился цикл радиопередач «Чтения с продолжением» [1, с. 116].

Как могли, поддерживали эту идею и ленинградские писатели. Вера Кетлинская делилась с читателями творческими планами: «Лето 1942 года я много ездила, собирая на фронте, во флоте материал для романа, а в следующую зиму закончила первую книгу – "Последний рубеж". В ней судьбы моих героев разворачиваются на фоне событий осени 1941 года, дней непосредственной борьбы за Ленинград. Вторая книга – "Медленный бой" – охватывает период первого полугодия блокады: зима-весна 1942 года, преодоление трудностей блокады, восстановление и развитие жизни после зимних испытаний. Вторую книгу я рассчитываю закончить к концу этого года. Роман называется "В осаде"², в нем будет около 30 печатных листов» [8, с. 31].

В советское время многие герои входили в массовое сознание из художественной реальности, что позволяло «достичь почти идеальной чистоты образов» [11, с. 247]. И эти образы работали в нужном направлении. Чего стоит, например, письмо Наташи Матвеевой, героини популярного фильма «Фронтовые подруги», вызвавшего фурор в США и Британии: «Сейчас, когда пробил решающий час, мы встали, полностью подготовившись к предназначению укрепить ряды Красной Армии. Я уйду на фронт вместе с Марией Рамос Пардина. Молодая испанская женщина сказала мне: "Я должна быть на передовой, я видела разорение свободной Испании. Я – марксистка и у меня есть главные учебники. Я буду рада выполнить любое задание по оказанию помощи Красной Армии". "Девушки моей фабрики" – завершает письмо мисс Матвеева, – "отдадут все силы, и, если необходимо жизни, поступив так, как положено советским патриотам"» [16, с. 7].

Э. С. Рацибринская поделилась впечатлениями: «Детский сад, 2-я линия, дом № 14, 1-й этаж. <...> В игровой комнате на стене репродуктор, он всегда включен. Рисуя, мы слушаем сводки Информбюро, музыкальные передачи, чаще всего – песни. Многие из них мы знаем наизусть и тихонько подпеваем: "Эх, тачанка-ростовчанка", "По долинам и по взгорьям"..."» [4].

Журнал «Огонек» обращал внимание на то, что «образ героического Ленинграда, силу духа его мужественных жителей лучше и полнее всех передает в своем творчестве Николай Тихонов <...>

Николай Семенович и Мария Константиновна почти безвылазно прожили в своем родном Ленинграде все время войны и вражеской блокады, перенесли много трудностей и лишений. Поэтому вывести их чем-либо из равновесия также трудно, как трудно нарушить спокойную уверенность бывалых солдат, закаленных в огне войны» [3, с. 13]. Не случайно «Правда» публиковала «Ленинградские рассказы» Николая Тихонова, раскрывающие бесстрашие, взаимопомощь и гуманизм советских людей [14], печатались они и на страницах журнала «Ленинград»: «Зимой кончился ток, завод стал, он таскал воду в бочках между сугробами, ел хряп в столовой, спал под полушубком, разбирал старые деревянные дома на

² Роман «В осаде» вышел только в 1947 году. В 1948 году автор получила Сталинскую премию, книга выдержала несколько изданий. В годы блокады Вера Казимировна Кетлинская (1906–1976) работала и над другими темами. См.: Кетлинская В. К. Танкисты. Л.: Госполитиздат, 1941; Кетлинская В. К. Рассказы о ленинградцах. Л.: Лениздат, 1944.

дрова. Потом снова завод заработал, стал, как он говорил, делать "секреты" для фронта. Как он выжил – сам не знал. Было и холодно и голодно, но он с мужицкой выносливостью терпел все отлично, и когда пахнуло первым весенним теплом, ожил совсем» [13].

Хранящиеся в отделе рукописей РНБ машинописные копии некоторых радиовыступлений Н.С.Тихонова, на которых после рукописных правок стоит штамп «Радиопередача разрешается» с подписью уполномоченного Леноблгорлита, подводят итоги борьбы: «Я вижу, как в тишине ноябрьской ночи возникает длинный, тонкий шпиль Адмиралтейства, стены Петропавловской крепости, Ростральные колонны, как блесит Нева <..> Вся советская земля свободна от врага! <...> Где миллионы жадных, озверелых дикарей <..> как будто сама земля раскрылась и пожрала эти разбойничьи орды. Где их страшная техника, свезенная со всей Европы, гремевшая на наших дорогах? Жалкие остатки ее еще валяются, покрытые ржавчиной в лесах и полях, но нет ее больше в помине! Красная Армия уничтожила бандитов вместе с их вооружением. Красная Армия вышвырнула уцелевших обратно за рубежи, откуда они пришли, и сама пришла на границу их логовища, которое уже горит» [9, л. 4], «Покрытый ранами и рубцами стоишь ты во всем величьи, город-герой, город-победитель <...> ты страдал от голода и холода, ты не знал сна и отдыха. Ты работал непрерывно, как сказочный богатырь, выковыывая победу!» [9, л. 5], «Все уже позади. Осадные темные ночи, голодные дни, вой бомб и свист снарядов, кровавые лужи на улицах и развалины домов» [9, л. 7], «Бурьян на месте цветущих селений и много могил героев («героев» вписано впоследствии от руки. – А. К.), павших за свободу Ленинграда. Они лежат, наши мертвецы, честные солдаты, герои страшных сражений. Они умерли с возгласом: за родину, за Ленинград! Они умерли, зная, что победа будет наша, что они, родившиеся на этой священной земле, не отдадут ее никому. Они спят последним сном, но они не молчат. Они говорят: мы сделали свое дело, мы умерли за то, чтобы эта любимая земля, чтобы этот родной город стали еще прекраснее» [9, л. 8].

Политрук Смольнинского батальона 6-го истребительного партизанского полка М.А.Поспелов вспоминал, что в их отряде воевал Николай Большаков, немолодой уже человек, которого старались не посылать на опасные задания, поскольку «физически он был слаб». В один из вечеров он спросил, почему его не берут в разведку? Пошли навстречу. Возле деревни Зеленый Клин Большакова и Глухова оставили в дозоре за околицей, остальные направились к избам. Послышалась стрельба. На следующее утро разведчики узнали, что произошло. Оказалось, немцы случайно наткнулись на дозорных. Василий Глухов был сражен наповал, а раненого Большакова стали допрашивать перед толпой колхозников. Несмотря на истязания, Большаков не сказал ни слова. Он был еще жив, когда его бросили в сарай с сеном, заколотили дверь и подожгли [10, с. 22–23].

Когда партизаны перешли линию фронта, М.А.Поспелову сообщили из штаба, что его приглашает к себе какой-то писатель. Это был П. А. Павленко. Он сидел у стола, что-то быстро писал. Его заинтересовали подробности гибели Николая Ивановича Большакова. На следующий день вся страна услышала по радио волнующий очерк писателя о мученической смерти героя. «Все слушали радио, затаив дыхание». Очерк П.Павленко «Отомстим врагу за муки и смерть Николая Большакова» был напечатан в газете «Красная звезда» 11 октября 1941 года [10, с. 42]. И перекликались эти слова с иными: «Вдохновляет стойкость и героизм самого Ленинграда» [5].

Вклад деятелей культуры в создание поражающих воображение образов трудно переоценить. Однако при этом всегда надо помнить, что механизмы государственного воздействия на массовое сознание вырабатывались до начала Великой Отечественной войны. И за яркими и неожиданными авторскими подходами незримо присутствовала фигура А.А.Жданова, который, подобно часовщику, собрал разрозненные части в единое целое и привел в действие идеологический механизм военного времени.

Литература и источники

1. *Васильева Т. В.* Позывные мужества. опыт ленинградского блокадного радио: учеб. пособие к курсу лекций и иллюстративные материалы. СПб.: Специальная литература, 2009.
2. *Вишневский Вс.* комсомольцам Ленинграда // комсомольская правда. 1941. 17 сентября.
3. *Воронов Н.* на шестом этаже ленинградского дома // огонек. 1943. № 34–35. 30 августа.
4. *Жукова Ю.* 27 января – день полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. рациборинская (Самотыя) Элеонора Станиславовна // За строительные кадры. 2011. № 56. Февраль.
5. За Ленинград деремся! // Правда. 1942. 07 февраля.
6. Инженер-экономист. 1932. 18 марта.
7. *Кулагин Г.* дневник и память. о пережитом в годы блокады. Л.: Лениздат, 1978. 320 с.
8. Над чем работают писатели // ленинград. 1943. № 15–16.
9. ОР РНБ. Ф. 552. ед. хр. № 70. л. 4.
10. *Поспелов М.* на невидимом фронте. СПб.: вести, 1997.
11. *Почепцов Г. Г.* Психологические войны. м.: рефл-бук; к.: ваклер, 2000. 528 с.
12. *Селиванов В. Н.* Стояли как солдаты. блокада. дети. ленинград. СПб.: Эго, 2002. 222 с.
13. *Тихонов Н.* «я все живу...» (из книги «ленинградские рассказы») // ленинград. 1942. № 1. Сентябрь. С. 3.
14. *Тихонов Н.* черты советского человека (ленинградские рассказы) // Правда. 1942. 06 марта; Правда. 1942. 08 марта; и др.
15. *Шепилов Дм.* Непримкнувший. М.: Вагриус, 2001. 399 с.
16. Te 'Girl from Leningrad' Writers Letter to Press. Daily Worker. 1942. February 6.

М. Ю. Евсевьев

Выставки изобразительного искусства в блокадном Ленинграде

Аннотация: В статье на основе архивных материалов рассмотрена история выставочной художественной деятельности в блокированном Ленинграде (1941–1944), отмечена организаторская деятельность ЛССХ. В заключение перечислены открывшиеся в этот период экспозиции произведений изобразительного искусства.

Ключевые слова: выставки, изобразительное искусство, блокадный Ленинград, ЛОСХ, ЛССХ, Великая Отечественная война, художники-фронтовики.

Mikhail Y. Evseyev. Art exhibitions in the siege of Leningrad

Abstract: The article presents on the basis of archival materials the history of art exhibition activities in the blockaded Leningrad (1941–1944), and specifies the organizational activities of the Leningrad Union of Artists. In conclusion, the exhibitions of the works of fine art opened during that period are listed.

Keywords: exhibitions, fine art, besieged Leningrad, the Leningrad Union of artists, Leningrad Union of artists, the Great Patriotic war, the artists-veterans.

©М.Ю.Евсевьев, 2017

Ленинград – город-герой, город трех революций, колыбель Октября, культурная столица России и многое другое, о чем мы знали и знаем с детства. Значительно реже приходит в голову мысль, что никому в течение трехсот лет не удалось сломить волю жителей города и вторгнуться его в пространство. Хотя намерения такие были, как известно, и в Петровское время, и в начале XIX века, и в разные периоды XX столетия. Все попытки захватить город наталкивались на упорное сопротивление его обитателей, и чем более сильным и жестоким был враг, тем яростнее было сопротивление. История блокады Ленинграда 1941–1944 годов убедительно демонстрирует это. Сопротивление ленинградцев было всяким: принципиальным, глубочайшим, стихийным... но и организованным тоже. И если уж речь идет о таком странном для голодного «ледяного ада» (каким воспринимался город) явлении, как выставки изобразительного искусства, то, конечно, это «экспромт», который мог состояться только в результате хорошей подготовки.

Организатором выставочно-художественной жизни в городе и на фронтах, окружавших его, как ни парадоксально, был Ленинградский союз советских художников (ЛССХ, или ЛОСХ – Ленинградское отделение союза художников, как позднее его стали называть, что менее верно). Впрочем, это не парадокс. Не будь колхозов – у армии во время войны не было бы хлеба; не будь ЛССХ – не было бы организатора процесса. Вспомним, в Гражданскую войну художественные группировки не подавали признаков жизни, всю работу делал Наркомпрос и его отделы [3; 4].

Впрочем, ЛССХ в период блокады был не очень похож на довоенный. Перед войной Союз насчитывал 511 действительных членов и кандидатов. В 1942 году 100 человек находились в действующей армии, 204 – в эвакуации, 81 – умерли в страшную зиму 1941–

1942 годов; в ЛССХ оставались только 126 человек [8, д. 22, л. 12]. За год войны из числа этих людей выявился и сложился коллектив художников, принявший на себя основную тяжесть работы. Всех не перечислишь, но среди тех, кого нельзя не назвать, – Евгений Белуха, погибший в Ленинграде весной 1943 года, Николай Дормидонтов, Вера Исаева – автор скульптуры «Мать-Родина» на Пискаревском кладбище, Валентин Курдов – один из организаторов «Боевого карандаша», Всеволод Лишев, Ярослав Николаев, Алексей Пахо-

мов – автор знаменитой серии литографий «Ленинград в дни блокады и войны», Константин Рудаков, Соломон Юдовин и др. (В начале 1944 года в городе оставались всего 80 художников [8, д.40, л.4 об.]; на заседании актива ЛССХа 27 июня 1944 года была названа иная цифра – 60 человек [8, д. 37, л.41].)

Хронологические рамки Ленинградской блокады хорошо известны: начало – сентябрь 1941 года; прорыв блокады – январь 1943 года; и полное снятие – январь 1944 года. Последняя предвоенная выставка, прошедшая накануне войны, – экспозиция живописи и графики Николая Тырсы в Русском музее (открыта 15 июня 1941 года). Чуть раньше ленинградцы видели в 1941 году живопись Натана Альтмана, рисунки Вениамина Белкина, посмертную выставку Исаака Бродского [7].

С началом войны художники ЛССХ перешли на казарменное положение и сразу включились в работу. В августе 1941 года группа из десяти художников предприняла попытку организовать выставку живописных панно, объединенных темой «Отечественная война» [8, д. 19, л.2]. В сентябре, судя по отчетным материалам, скульпторы Союза при поддержке Комитета по делам искусств работали над созданием плакатов, но не трафаретных, графических или живописных, а скульптурных. Закрытая выставка-просмотр таких плакатов показала, что уличная скульптура – рельеф-плакат – может сыграть роль положительного организационного средства и что скульпторы постепенно формируют в сознании духовные и визуальные образы Отечественной войны и обороны. Скульпторы (29 человек) после просмотра эскизов (60 эскизов) получили задание разработать их в реальных размерах [8, д. 19, л. 3].

Почему выставки казались исключительно важными в осажденном городе? Выставка – это непосредственный (прямой) контакт художника со зрителем, обратная связь, ставшая особенно необходимой, дающая ощущение пульса организма города в экстремальных условиях, которые сложились в отрезанном от страны, изолированном и лишенном кровотока Ленинграде. Выставки для художников ЛССХ – то же, что героическая симфония Д.Д. Шостаковича для музыкантов Ленинградской филармонии. Что из того, что в ЛССХ не было художников такого уровня? Честное нужное искусство никогда не останется без внимания. Утоления требовал не только физический голод, но и эмоциональный: среди ленинградцев, видимо, было понимание этого. Принцип немедленного показа новых работ использовался как средство мобилизации сил и оружие агитации. Работа художников города сразу же становилась достоянием зрителя, который жил, работал, боролся рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.